

Міросозерцаніе гр. А. К. Толстого.

Къ характеристикѣ общественныхъ типовъ 70-хъ годовъ.

Произведенія гр. А. К. Толстого до сихъ поръ встрѣчаютъ въ литературѣ крайне разнообразную оцѣнку. При характеристическомъ творчествѣ и общественныхъ взглядахъ мнѣнія расходятся истинности. Одни считаютъ его славянофиломъ, въ лучшемъ смыслѣ слово—западникомъ, третьи—ретроградомъ, четвертые—просто смѣлымъ, хотя послѣдняя оцѣнка—оцѣнка настоящаго времени: въ Толстого въ общественныхъ вопросахъ его не считали безразличнымъ. Литературный обликъ Толстого до сихъ поръ не выясненъ вполне. По его произведеніямъ никто не рѣшился помѣстить его въ одну какую либо группу изъ существовавшихъ у насъ литературныхъ школъ. Этому виною самъ поэтъ. Кругъ интересовъ творчества былъ чрезвычайно великъ. Это былъ и лирикъ, и реалистъ, и прозаикъ, и драматургъ, и сатирикъ; въ каждой изъ этихъ областей литературы Толстой оставилъ слѣды. Можно говорить о немъ, какъ о лирикѣ, драматургѣ и т. д., но, когда мы пытаемся дать общую характеристику поэтической фizioноміи Толстого, мы, конечно, наталкиваемся на непреодолимые противорѣчія во взглядахъ творцомъ которыхъ былъ поэтъ, обычно самъ разрушающій свои произведенія и письмами ходячія характеристики о немъ. Главная оцѣнка поэта мѣнялась и время, въ которое онъ жилъ, мѣнялось оно его творчеству. Шестидесятые годы не были благодатны для жрецовъ чистаго искусства, какимъ выдавалъ себя Толстой, который при этомъ не удерживался отъ ѣдкихъ, далеко идущихъ, выступленій противъ того или другого лагеря. Ему не нравились слѣва тогда, когда справа аплодировали. И это не одинъ разъ; не двѣ половинны жизни поэта были связаны одна другою съ тѣмъ или другимъ направлениемъ, эти полосы

перемежались постоянно. Толстой одновременно сотрудничал в «Современникѣ» и въ «Бесѣдѣ», въ «Вѣстникѣ Европы» Станислава Левица и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова. Въ каждой изъ редакцій его не чуждались; если произведеніе не подходило по направленію къ одному журналу и тамъ ему отказывали, Толстой несъ его въ журналъ противоположнаго лагеря, гдѣ оно печаталось съ удовольствіемъ. Подобная неустойчивость мнѣній рѣзко клалась критиками съ той и другой стороны, но послѣдующіе историки литературы не обратили достаточнаго вниманія на то обстоятельство, что Толстой, перебѣгая, оставался все же близкимъ человѣкомъ тѣмъ и другимъ. Какъ ни былъ графъ лично обаятеленъ и чист, такая частая измѣна убѣжденіямъ должна была бы вызвать болѣе определенное сужденіе, основанное на принципіальныхъ, а не на личныя отношеніяхъ, тѣмъ болѣе въ то время, когда общественныя традиціи охранялись журналами особенно ревниво. Стало быть, было нѣчто въ произведеніяхъ Толстого, что примиряло партіи и, главное, что было способно примирить. Въ одномъ стихотвореніи — «дробится и плещетъ и брызжетъ волна» поэтъ, говоря о своей душѣ, заявляетъ, что «сродни ей шумящее море», а въ другомъ стихотвореніи — «не пѣнится море, не плещетъ волна» — «сродни мнѣ спокойное море». Очевидно, здѣсь любовь ко всякому морю, чистъ эстетическое явленіе, а не выраженіе индивидуальныхъ склонностей. Несомнѣнно, что и критика Толстого должна быть вѣспартійна и среди русскихъ писателей, давшихъ наиболѣе чуткую и правильную оцѣнку Толстому, былъ Вл. Соловьевъ, который, самъ будучи члѣномъ, вѣрнымъ самому себѣ, оставался и въ томъ и въ другомъ лагерѣ.

Въ позапрошломъ году появился большой трудъ профессора Лилльскаго университета А. Лиронделя, посвященный жизни и произведеніямъ Толстого¹⁾ Это очень обстоятельная и прекрасно написанная монографія. Французскій ученый, видимо, очень любитъ русскую литературу; громадная библіографія (24 страницы), приложенная въ концѣ книги, говоритъ объ очень внимательномъ изученіи не только произведеній Толстого, но русской жизни и литературы XIX в. вообще. Лирондель излагаетъ біографію и развитіе

¹⁾ A. Lirondelle. Le poète Alexis Tolstol. L'homme et l'oeuvre. 1912.

Толстого умно и толково, въ связи другъ съ другомъ, и то и другое у Толстого, дѣйствительно, тѣсно связано съ собою. Хорошее знаніе русскаго языка даетъ возможность русскому ученому говорить, въ отдѣльной главѣ, даже о тонко-толстовской версификаціи. Но самое цѣнное въ трудѣ Лирондель—это спокойное, объективное отношеніе къ поэту и его современамъ. Въ сужденіяхъ историка-иностранца мы слышимъ глубокое пониманіе толстовскаго творчества. На первый взглядъ это не показаться страннымъ—вѣдь Толстой рисуется намъ такимъ «чуждымъ» поэтомъ, у котораго непереводимыя на иностранныя словечки и выраженія, вродѣ «ой, ладушко, ладо» встречаются чуть не на каждой страницѣ. Но это насъ не должно смущать. Уже въ свое время критика отмѣчала «чужеродное» въ творчествѣ Толстого, при всемъ его націонализмѣ, но Лирондель въ тщательнаго анализа показалъ, что, при всѣхъ своихъ спе-цифически русскихъ аксессуарахъ, Толстой остается европейцемъ, въ искусствѣ, свойственнаго всѣмъ народамъ, и тотъ же анализъ очень удачно, реабилитируетъ Толстого отъ обвиненія въшовинизмѣ, подчеркивая русскую душу поэта.

Правильно и глубоко раскрывая философію и эстетику Толстого, авторъ говоритъ: «Толстой написалъ нѣсколько пьесъ, которые могутъ подтвердить взглядъ «искусство для искусства», но онѣ не выжили». Въ этомъ противорѣчіи онъ никогда не отглаживалъ себѣ отчета. По совѣсти, онъ считалъ себя единственнымъ, кто бороздѣ, «оставленной всѣми». Безъ сомнѣнія, убѣжденіе въ отождествленіи истины, красоты и добра съ абсолютомъ и въ то, что касается искусства и нравственнаго закона онъ имѣлъ чуждыя понятія, онъ полагалъ, что, сражаясь за свои дорогія идеи, онъ выходилъ изъ области абсолютнаго и оправдалъ свой девизъ: *veritas, pereat mundus*»¹⁾. Этимъ принципамъ чистаго искусства, господствующимъ въ восьмидесятыхъ годахъ въ прекрасной статьѣ Владиміра Соловьева, Толстой былъ вѣренъ всю жизнь—они-то и составляютъ краеугольный камень всего поэтическаго зданія, созданнаго Толстымъ объясняются не только его лирика, но и всѣ его общечеловѣческія тенденціи въ стихахъ, его историческія стихотворенія; только

въ сферѣ подобной критики онѣ могутъ занять то положеніе въ литературѣ, которое заслуживаютъ и только тогда читатели перестанутъ принимать псевдоисторическую реторику толстовскихъ сохотвореній за историческія изображенія.

I.

Гр. А. К. Толстой выросъ среди людей утонченныхъ вкусовъ, любившихъ и понимавшихъ искусство. Но характеръ его поэма опредѣлили не они, не личное знакомство съ Пушкинымъ и Жковскимъ, которымъ были «апробованы» его стихи,—это могло лишь подогрѣть растущую склонность къ поэтическому творчеству—рѣшающую роль здѣсь сыграло воспитаніе, недаромъ дѣтство, по словамъ самого поэта, «оставило въ немъ однѣ свѣтлыя воспомнанія». «Бывъ единственнымъ сыномъ, пишетъ онъ, не имѣвъ товарищей игръ и одаренный пылкимъ воображеніемъ, я очень рано привыкъ къ мечтательности, которая вскорѣ превратилась въ рѣшительную склонность къ поэзіи. Мѣстная природа, среди которой жилъ, много тому содѣйствовала; воздухъ и видъ нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставляли во мнѣ глубокое впечатлѣніе, имѣвшее вліяніе на мой характеръ и жизнь и не изгладившееся до сихъ поръ». Способность поэта къ внутреннему углубленію благопріятно развивалась и дома, и за границей. Во время путешествія по Италіи у впечатлительнаго мальчика складывалось цѣлое міросозерцаніе—любовь къ прекрасному и «дальному». Пристальное изученіе вѣчныхъ образцовъ искусства переносило мальчика въ отдаленную глубь вѣковъ и заставляло тосковать по ней. По возвращеніи въ Россію онъ впалъ въ настоящую «тоску по родинѣ» и доходилъ до какого то отчаянія, которое заставляло по его словамъ, «днемъ отказываться отъ пищи, а ночью рыдать, когда мои сны уносили меня въ мой потерянный рай» ¹⁾. Жизнь въ Петербургѣ способствовала уединенію и самоуглубленію.

Характеръ свой прошедшаго столѣтья
Домъ сохранилъ. Покоя два или три
Могли бы восторга вызвать междометья

¹⁾ Гр. А. Толстой. Литературная исповѣдь. Изд. Маркса т. I.

У знатока. Изъ бронзы фонари
 Въ сѣняхъ висѣли, и любилъ смотрѣть я,
 Хоть былъ тогда въ искусствѣ не толковъ,
 На лѣпку стѣнъ и форму потолковъ.
Съ раннихъ поръ
 Привыкъ одинъ бродить я въ залъ изъ зала
 И населять мечтами ихъ просторъ.
 Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
 Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна;
 Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
 Все въ той же прозѣ движась непрерывно,
 Все, что зовутъ серьезныя дѣла —
 Я ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно.

Все это очень характерныя признавія. Среди своихъ сверстниковъ такъ же одаренныхъ, какъ и онъ, Алексѣй Толстой значительно отличался, между прочимъ, по этимъ воспоминаніямъ. Проведя детство въ мрачную эпоху крѣпостного права, мальчикъ не былъ этой «дѣйствительности» и совершенно не далъ, подобно Тютчеву, Салтыкову, Петру Крапоткину и др., никакихъ картинъ общественной эпопеи. Любопытно, что въ его произведеніяхъ совершенно не отмѣчена эпоха освобожденія крестьянъ и само участіе этого въ общемъ движеніи, какъ увидимъ ниже, было очень важно и случайно. Толстой всегда былъ поэтомъ призванія — это было его главное призваніе; исторія съ портретомъ, связанная въ поэмѣ «Портретъ», очень характерна для всей его поэмы. Позднѣе вопросъ объ отношеніи реального и нереального у Толстого вылился почти въ цѣлую систему подъ вліяніемъ Шопенгауэра, Гегеля, но главнымъ образомъ, Шеллинга и мистиковъ: Сведенборга, Леви и др.

Въ «Донъ Жуанѣ», являющемся наиболѣе яркимъ произведеніемъ отражающимъ философію поэта, выражены идеи пантеизма, реальность міра.

Едино, цѣльно, недѣлимо,
 Полно созданья своего,
 Надъ нимъ и въ немъ невозмутимо

Царить отъ вѣка Божество.
 Осуществилося въ немъ ясно,
 Чего постичь не могъ никто:
 Несогласимое согласно,
 Съ грядущимъ прошлое слито.
 Совмѣстно творчество съ покоемъ,
 Съ невозмутимостью любовь,
 И возникаютъ вѣчнымъ строемъ
 Ея созданья вновь и вновь.

Богъ не остановился въ твореніи. «Вообще, пишетъ Толстой къ Маркевичу ¹⁾, я не допускаю становленія (*le devenir*), но допускаю бытіе (*l'être*), и это вѣчно какъ по отношенію будущаго, такъ и по отношенію прошедшаго, безъ начала и конца, въ вѣчномъ преобразованіи; то, что мы называемъ созданіемъ—есть только трансформация матеріи останется такою же вѣчною въ будущемъ и настоящемъ, какъ и духъ, т. е. такой же старой и такой же молодой, какъ Богъ и я не вижу въ этомъ ничего нечестиваго, потому что я и еврей... Нѣтъ времени въ вѣчности, нѣтъ и отдѣльнаго момента и если Богъ создалъ міръ, онъ его создалъ отъ вѣка и продолжаетъ его творить». Въ этомъ мірѣ продолжаютъ сражаться добро и зло

Мірозданіемъ раздвинуть,
 Хаосъ мстительный не спитъ;
 Пскаженъ и опрокинутъ,
 Божій образъ въ немъ дрожить.
 И всегда обмановъ полный,
 На Господню благодать
 Мутно плещущія волны
 Онъ старается поднять.
 И усилямъ духа злого
 Вседержитель волю даль,
 И свершается все снова
 Своръ враждующихъ началъ.
 Въ битвѣ смерти и рожденія
 Основало Божество

¹⁾ Нев. дзвнцццццц. Lirondelle, op. cit., стр. 409.

Нескончаемость творенья,
Мірозданья продолженъе,
Вѣчной жизни торжество и т. д.

Человѣкъ тѣсно слить съ созданіемъ вселенной, онъ дышитъ съ нею и ея устами говорить. Отсюда этотъ великолѣпный стихъ природы, который замѣняетъ въ историческихъ стихотвореніяхъ Толстого психологическія переживанія героевъ. Въ дальнѣйшій поэтѣ очень занимала проблема объ отношеніи челоѣка къ его свободѣ воли, о значеніи страданія, о чемъ еще придется сказать. Наша душа, заключенная въ земныя оковы, не перестаетъ думать о возвращеніи въ свою первоначальную сущность¹⁾. «Если приходится индивидуальность, то о ней нечего тужить: это все равно какъ если бы выздоровѣвшій хромоу тужилъ о костыляхъ. Индивидуальность—это только ограниченная *Art von sein*. Она даже не падаетъ въ томъ смыслѣ, что какъ 1, 2, 3 не пропадутъ, а ихъ вставить въ 10»²⁾.

Между міромъ видимымъ и невидимымъ небольшая перегородка.

Межъ спомъ и бдѣньемъ кратокъ промежутокъ.

Въ этомъ отношеніи Толстой слѣдуетъ ученію Сведенборга и др. «Нѣтъ невидимаго міра, есть только нѣсколько степеней существованія въ органахъ: душа можетъ постигать сама по себѣ безъ помощи тѣлесныхъ органовъ, лишь при помощи чувствительности своего «діафана», вещи какъ духовныя, такъ и тѣлесныя, существующія въ мірѣ. Духовный (*spirituel*) и тѣлесный (*corporel*)—это только, выражающія только степени тонкости и плотности сущности (*substance*)». Между этими мірами происходятъ постоянныя сообщенія, которыя, какъ говоритъ Сведенборгъ³⁾ «безпрерывны и столько естественны, что они смѣшиваются съ ощущеніемъ жизни и являются незамѣтными etc».

Между прочимъ, эту посредствующую силу Толстой изобразилъ въ стихѣ командора, которая по его словамъ есть «астральная сила, вѣдущая сила, служащая одинаково и добру, и злу и нейтральной двумя противорѣчивыми волями сатаны и ангеловъ—

¹⁾ См. стихотв. „Горница тихо летѣла душа небесами“.

²⁾ Письма къ жевѣ 24 янв. 1868 г.

³⁾ Lirondelle. Op. cit. стр. 480.

мысль кабалистическая. встрѣчающаяся во всѣхъ герметическихъ сочиненіяхъ и повторяющаяся въ наше время невидимо во всѣхъ дѣйствіи нашей воли и видимо—во всѣхъ опытахъ магнитизма и магии»¹⁾. Къ магии, спиритизму и, вообще, оккультивнымъ наукамъ Толстой чувствовалъ всегда живѣйшее влеченіе. Заграницей онъ часто посѣщалъ сеансы всевозможныхъ гипнотизеровъ и мѣтилъ и отношеніе къ нимъ, какъ это видно изъ писемъ къ женѣ, говорить о вѣрѣ Толстого въ эти ученія и о сочувствіи имъ... Самъ Толстой былъ суевѣренъ, вѣрилъ въ глазъ и т. д. Любовь Толстой къ призракамъ проходитъ черезъ большинство его произведеній. Въ юношескихъ произведеніяхъ (Упырь, Семья Вурдалака, *Requies dans trois cent ans*²⁾) мы видимъ, въ сущности, одинъ и тотъ же сюжетъ—таинственное сношеніе съ загробнымъ міромъ и разработку этого сюжета, какъ подмѣтилъ Владиміръ Соловьевъ въ предисловіи къ «Упырю», носить слѣды реальности, что и придаетъ этимъ произведеніямъ «элементъ истинно фантастическій». «Существенный интересъ и значеніе фантастическаго въ поэзіи держится на твердости, что все происходящее въ мірѣ и, особенно, въ жизни человеческой зависитъ, кромѣ своихъ наличныхъ и очевидныхъ причинъ, еще отъ какой-то другой причинности, болѣе глубокой и многообъемлющей, но зато менѣе ясной. Если бы жизненная сфера всего существующаго была проста и прозрачна, какъ дважды два четыре, то этимъ бы исключалось все фантастическое—дадимъ мы ему неосмотрительное названіе «сверхъестественнаго» или обозначимъ его болѣе осторожно, какъ необычайное. Не имѣя своего мѣста и смысла въ жизни, оно было бы лишено и всякаго права на изображеніе въ здоровой поэзіи и сама эта поэзія исчерпывалась бы тогда сообщеніемъ красивой формы повседневному, насъ къ разналическому, содержанію... Но представленіе жизни, какъ чего то простаго, разсудительнаго и прозрачнаго, прежде всего противорѣчить дѣйствительности, оно не реально... мистическая глубина жизни иногда близко подходитъ къ жизненной поверхности; но въ этихъ случаяхъ «растительный покровъ» повседневнаго сознанія все-таки на лицо. И вотъ, отличительный признакъ подлинно фан-

¹⁾ Письмо 11 июня 1861 г.

²⁾ *Lirondelle*, приложения.

какого, оно никогда не является, такъ сказать, въ обнаженномъ фантастика, вообще, играетъ большую роль въ произведеніяхъ его. Въ романѣ и трагедіяхъ его встрѣчаются колдуны, причѣмъ таинственнаго отводится очень большое мѣсто. Въ этомъ его упрекали, но онъ, оправдывая положеніе, что исторія и тѣсно дополняютъ другъ друга, писалъ: «волхвы не обманываютъ, они убѣждены въ истинѣ своей науки. Многіе опыты показали, что предвѣщанія ихъ сбываются и это объяснить не трудно. Сильно потрясенное воображеніе часто производитъ то, чего желаетъ или чего боится. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ сверхъестественному, (которое въ извѣстной степени допущено въ трагедіяхъ), могло бы случиться, что Іоаннъ, потрясенный предвѣщаніемъ предстоящей ему смерти, дѣйствительно умеръ бы въ назначенный день, даже безъ содѣйствія Годунова. Предсказаніе ему престола (если оно дѣйствительно случилось, какъ говорится въ летописи) также должно было не мало способствовать его возмущенію. Если бы Макбету шотландскій тронъ не былъ предсказанъ, вероятно, на него не возшелъ бы» ¹⁾. Въ стихотвореніяхъ его встрѣчаются постоянно фантастическія фигуры, принимающія истинное значеніе: Змѣй Тугаринъ, Богатырь, Горе, куда же отнести и его баллады, построенныя на народныхъ суевѣріяхъ (напр., Волки).

Его проникновеніе въ потустороннюю область возможно не только чистою мыслью, но и чувствомъ. Чуткому уху художника доступны забережныя переживанія. Шеллингъ говоритъ, что «эстетическое творчество, примиреніе сознательной и бессознательной жизни есть бессознательное безконечное, такъ какъ красота, въ безконечной, представляется, какъ конечная». Артистъ, посвященный къ творчеству, «находится подъ вліяніемъ силы, отдѣляющей его отъ другихъ людей и принуждающей его даже выражать то, что онъ не познаетъ въ совершенствѣ и смыслъ котораго безконеченъ ²⁾». Художникъ выводитъ изъ этихъ принциповъ абсолютную независимость искусства отъ удовольствія, отъ морали, знанія. Для него эстетическая интуиція только

¹⁾ Проектъ постановки на сцену тр. «Смерть Іоанна Грознаго», стр. 549.

²⁾ Lirondelle, стр. 489.

интуиция трансцендентальная, сдѣлавшаяся объективной. И открываетъ философу «святилище, гдѣ горитъ однимъ пламенемъ органическомъ и вѣчномъ соединенія, самое существенное въ родѣ и въ исторіи и то, что должно вѣчно двигаться въ живомъ дѣйствіи и въ мысли». Художникъ «проникаетъ черезъ невидимую стѣну, отдѣляющую реальный міръ отъ нереального, въ отдаленіе, черезъ которое для насъ открываются вполнѣ формы и области фантазіи, лишь разсѣянные блестками въ реальномъ мірѣ». Толстой до конца жизни оставался вѣренъ этой доктринѣ и къ «безсознательной воли генія» имъ владѣла всецѣло ²). Въ одномъ письмѣ къ Софѣ (женѣ) Толстой пишетъ о мысляхъ и теоріяхъ, которыя двигаются у него въ головѣ: «чувствую ясно, но не умѣю ясно выразить..... я тебѣ говорилъ про стихи, витающіе въ воздухѣ и что достаточно ихъ ухватить за одинъ волосъ, чтобы привлечь ихъ изъ первобытнаго міра въ нашъ міръ... мнѣ кажется, что это также относится къ музыкѣ, скульптурѣ, къ живописи. Я думаю, что часто, ухватившись за волосъ одного изъ первобытныхъ произведеній, мы такъ неловко тянемъ, тянемъ, что у насъ остается въ рукахъ лишь разорванное или изуродованное произведеніе и что мы продолжаемъ тянуть, тянуть себѣ кусокъ за кускомъ, отрывокъ за отрывкомъ и потомъ мы стараемся изъ это вмѣстѣ склеить и дополняемъ сами изъ своего воображенія то, чего недостаетъ; мы замазываемъ то, что мы испортили изъшей неловкостью и изъ этого происходятъ всѣ наши недостатки, наша нерѣшительность, которая такъ возмущаетъ артистическія инстинкты» ³).

Тщетно художникъ ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель.
Вѣчно носились они надъ землею, незримые оку.

Бетховенъ не изъ себя взялъ аккорды траурнаго марша:

Нѣтъ, эти звуки рыдали всегда въ безпредѣльномъ пространствѣ.
Онъ же, глухой для земли, неземныя подслушалъ рыданья.

¹) Ibid. стр. 489.

²) Какъ рассказываютъ біографы Толстого, стихъ. «Прозрачныхъ облаковъ спокойное видѣніе» написано имъ въ трансѣ. Къ возбуждающимъ средствамъ при составленіи стиховъ Толстой прибѣгалъ нерѣдко.

³) Письма, 6 окт. 1856 г.

завѣтъ всякимъ художникамъ и поэтамъ:
 духъ душевный сильнѣй напрягай и душевное зрѣнье,
 какъ надъ пламенемъ грамоты тайной безпѣтныя строки
 ругъ выступаютъ, такъ выступать вдругъ предъ тобою картины,
 идутъ изъ мрака все ярче цвѣта, осязательнѣй формы.
 Свойныя словъ сочетанья въ ясномъ сплетутся значеньи—
 жъ въ этотъ мигъ и внимай и гляди, притаивши дыханье,
 созидая потомъ, мимолетное помни видѣнье¹⁾.

Иъ призванный творить, художникъ творить, не смотря ни на
 препятствія. Обманутый пѣвецъ—слѣпой одинъ поетъ въ лѣсу
 и мхамъ.

Вовстину, если бѣ очей моихъ ночь
 Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
 Я бѣ пѣсни не могъ и тогда перемочь,
 Не могъ отъ себя отогнать бы я прочь,
 Что душу мою охватило.
 ...Убогому пѣтъ не тяжелый былъ трудъ,
 А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
 Завне онъ надъ нею не воленъ.
 Охваченный ею не можетъ молчать,
 Онъ рабъ ему чуждаго духа,
 Вожжась ему въ трудъ вдохновенья печать,
 Неволей иль волей онъ долженъ вѣщать,
 Что слышитъ подвластное ухо.

Ниве для всякаго поэта раскрывается эта сфера трансценденталь-
 тько для настоящихъ жрецовъ искусства. Толстой въ своихъ
 и стихотвореніяхъ, особенно тенденціозныхъ, является
 сторонникомъ чистаго искусства, но опредѣлить его сущ-

знательность творчества Толстого весьма специфична. Онъ часто ка-
 савъ, о которыхъ самъ не имѣлъ устойчиваго представленія. Самое свое-
 вѣности, въ стихахъ Толстого—обиліе рефреновъ и особыхъ «сло-
 выхъ», характеризующихъ все произведеніе, которые какъ бы
 въ стихамъ, напр., «Рыцарь правдивый князь», «Дѣдушка Илья»,
 «Савее море», «Звѣзда ты моя, Ярославна», «Государь ты нашъ батюшка»,
 «Май» и пр. Возможно, что они создавались въ головѣ поэта невольно,
 стихотворенія, а потомъ уже влекли за собою все стихотвореніе.

ность невозможно: Толстой не установил ни рамок этого искусства, ни основных чертъ его содержания. Какъ справедливо зывалось въ критикѣ, самъ Толстой, и по формѣ и по содержанию часто отступалъ отъ общепринятыхъ принциповъ чистаго искусства, оставаясь, однако, неизмѣнно, его горячимъ сторонникомъ: стихотвореній, непосредственно примыкающихъ къ этому роду искусства, у Толстого гораздо меньше, чѣмъ остальныхъ мотивовъ. Сомнѣнно, что дѣло тутъ было не въ выборѣ сюжетовъ, а въ принципѣ *свободы творчества*, которое тѣснилось утилитарнымъ наравленіемъ. Въ защиту этой свободы Толстымъ были написаны лучшіе строки его произведеній. Въ сущности, этотъ протестъ Толстого противъ обязательства гражданской скорби совпадалъ въ то темное, подцензурное время съ общимъ протестомъ противъ стѣсненія свободы, вмѣстѣ съ таковымъ же протестомъ славянофиловъ, выбывавъ противниковъ Толстого обвиненіе противъ него, какъ писателя-ретрограда. Искренняя позиція Толстого въ этихъ вопросахъ, въ связи съ его личною обаятельностью, и дѣлала его тому и другому лагерю и близкимъ и чужимъ.

II.

Я намѣренно остановился на выясненіи эстетическихъ принциповъ Толстого, ибо ими-то и объясняется вся прелесть его исторической поэзіи. Толстой считается поэтомъ-историкомъ, т. е. хвастательно онъ, не говоря о романѣ и трилогіи, затрагивалъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ историческіе сюжеты. Но, приближаясь къ этимъ стихотвореніямъ, мы обнаруживаемъ въ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, поразительную бѣдность, именно, историческаго содержания. Прежде всего, въ нихъ плѣняетъ насъ ихъ внѣшняя красота, гуслирный, былинный тонъ, въ которомъ «торжественности много, но слишкомъ мало простоты». Толстой въ историческихъ стихотвореніяхъ, объективныхъ, казалось бы, по своему замыслу является очень субъективнымъ и, по преимуществу, лирикомъ. Многие изъ его былинъ имѣютъ автобіографическое происхожденіе. «Самое» написанъ за границей, подъ непосредственнымъ чувствомъ тоски по родинѣ, «Илья Муромецъ» — есть выраженіе своей собственной отчужденности отъ двора; въ поэмѣ «Іоаннъ Дамаскинъ» скрывается

о собственной отставкѣ. Внимательно читая его былинные
сочиненія, задумаешься, что въ нихъ главное—сюжетъ или
образы. Нечего уже говорить, что въ стихотворенія «Сватовство»
и не въ бытовой картинкѣ, а въ веснѣ, которую страстно
поэтъ; въ «Шль Муромцѣ» вся прелесть заключается въ
настроении «государыни-пустыни», въ запахахъ «темнаго
лѣса» «Алешѣ Поповичѣ»—въ описаніи обольстительной пѣсни,
пѣнь царевны и, главное, весны¹). Въ этой балладѣ, особенно
первоначальномъ вариантѣ, нѣтъ ничего историческаго, кромѣ
богатырь эпохи Краснаго Солнышка говорить такіа слова:

Я ей Богу не изъ тѣхъ,
Какъ тебѣ меня, царевна,
Съ ними смѣшивать не грѣхъ!
Тѣ поповичи всѣ дики,
Гуслей звонъ для нихъ бѣда,
Лишь въ присутствіи владыки
Козлогласять безъ стыда.
На мечахъ они не бьются,
Но примають всякій срамъ,
И обиднымъ не считаютъ
Бить другъ друга по щекамъ.
Сами вѣдая не много,
Любятъ мудрости учить;
Мудрость ихъ: не вѣрить въ Бога
И лягушекъ потрошить.

Большинство балладъ Толстого растянуты и бѣдны по содер-
жанію, въ нихъ мало центральнаго, настоящаго дѣйствія, поэтому
многие изъ нихъ, не смотря на свою нарядность и внѣшнюю красоту,
тѣшны съ трудомъ: слишкомъ много въ нихъ второстепеннаго, от-
влекающаго вниманіе и, потому, лишняго. Взять хотя бы «Пѣснь о
Ярославнѣ». Гаральдъ изъ любви къ Ярославнѣ совер-
шилъ рядъ подвиговъ, въ этомъ вся суть баллады, но въ

¹ См. его письмо къ Маркевичу (неизданное): Я имѣю еще другое стихотво-
реніе (Поповичъ), въ томъ же родѣ т. е. былиномъ—это, такъ сказать, пред-
варительная поговорка о природѣ и о веснѣ. Lirondelle, стр. 445.

ней все вниманіе обращено на рассказы объ этихъ подвигахъ и концѣ концовъ, самое стихотвореніе оказывается неинтереснымъ, чрезухуръ растянутымъ для такого сюжета. Та же бѣдность жанія заключается въ стихотвореніи «Боривой», въ «Ночи приступомъ» и т. д. Переводъ изъ лѣтописи («Романъ Галичскій») — очень неудаченъ: самоувѣренный порывъ Романа измѣненъ какъ-то вяло, а конецъ стихотворенія уже совсѣмъ измѣненъ¹⁾. Вообще тамъ, гдѣ Толстой слишкомъ точно подражаетъ народному складу, онъ становится крайне безцвѣтнымъ и риторичнымъ. У него есть стихотворенія, напр. «Пѣснь стрѣлковъ Игнатъ раторской Фамиліи», которыя могъ бы написать всякій гимназистъ, прошедшій курсъ народной словесности. Славянофилы говорили, что можно принять стихи Толстого за народные, если бы не были подписи. Если это похвала, то въ искусствѣ очень сомнительная. Самъ Толстой говоритъ что, «полная и голая правда есть предметъ науки, а не искусства. Искусство не должно противорѣчить правдѣ, но оно не принимаетъ ее въ себя всю, какъ она есть. Иллюзія, производимая искусствомъ не должна быть иллюзіей чуждаго обмана»²⁾. Но его quasi-народныя стихотворенія, именно, даютъ иллюзію народнаго творчества, потому что они слишкомъ близко схожи со своими оригиналами, которые можно встрѣтить въ сборникахъ Сахарова и Афанасьева, которыми пользовался Толстой. У него получается не художественная переработка народныхъ мотивовъ, а копія ихъ, гдѣ непремѣннымъ условіемъ встрѣчаются выраженія: ухъ, эхъ, охъ, кабы да, ой да братцы и т. д.

Историческія произведенія Толстого явились слѣдствіемъ большого интереса, который обнаруживалъ Толстой къ старинѣ; онъ писалъ имъ порой весьма старательно, послѣ изученія многихъ источниковъ. Очень возможно, что короткая служба въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ способствовала развитію любви Толстого къ русской старинѣ, а занятія въ архивѣ древними актами дали Толстому нѣкоторый запасъ древнихъ словъ и выраженій.

¹⁾ Можно привести для сравненія тоже точный и безподобный переводъ Кокова лѣтописнаго сказанія — Емшанъ.

²⁾ Проектъ къ постановкѣ Царя Феодора стр. 600. Ср. мысли Шопенгауэра объ искусствѣ (см. брошюру кн. Цертелева подъ тѣмъ же названіемъ).

кое-какой матеріалъ для изображенія московскаго періода¹⁾. Источниковъ, которыми пользовался Толстой, мы встрѣчаемъ *«Скопцовъ, Житія Святыхъ, Переписку Грознаго, Дѣла изъ Малорусскія пѣсни Максимовича, Письма Курбскаго и Костомаровъ «Посадника»*, онъ проситъ прислать сочиненія Костомарова, и вообще, что возможно, относящееся къ изустнымъ эпохѣ. По поводу того, какъ назывался датскій принцъ, Ксеніи, Іоанномъ или Христіаномъ, Толстой запрашивалъ многихъ компетентныхъ лицъ и даже пользовался матеріалами случайныхъ знакомыхъ²⁾. Костомарова же Толстой хотѣлъ узнать, почему этотъ самый Іоаннъ, будучи, вѣроятно, воеводою, воевалъ за Испанію. Въ этомъ же письмѣ Толстой излагаетъ предположеніе относительно своихъ замысловъ: Борисъ Годуновъ, дворянина, посланнаго въ видѣ подарка Генриху IV, французскому, потому что французскій король имѣлъ привычку *Ventre bleu*³⁾! Этотъ Синебрюховъ дорогой бѣжитъ въ Вишневецкому и изъ мести выдаетъ себя Лжедмитріемъ. Такимъ образомъ, Толстой склонялся къ версіи великорусскаго пролетарія Самозванца.

Въ общихъ пособіяхъ на Толстого болѣе всѣхъ вліяла исторія комментаріи котораго къ исторіи онъ внимательно изучалъ⁴⁾.

Кіевскій и Московскій періоды—это два полюса толстовскаго міросозерцанія, особенно первый любимъ Толстымъ; онъ называетъ его «хорошимъ», лучшимъ временемъ русской исторіи и особенно любовно вспоминаетъ о немъ. Главная мысль въ исторіи кіевскаго періода—прославленіе его, его славы, геройско-самоподушнатаго сліянія князя съ народомъ. Несомнѣнно, на Толстого кіевскаго періода значительно повліяли славянскія убѣжденія его друзей. Но Толстой сближался съ славянами скорѣе съ виѣшней стороны, въ идеализаціи старины. Толстой и славянофилы идеализировали разныя эпохи:

¹⁾ Толстой, видимо, занимался археологіей и въ молодости раскапывалъ курганы 23 іюня 1869 г.

²⁾ Письмо къ Стасюлевичу 30-го ноября 1869 г.

³⁾ Стасюлевичъ и его современники т. II, 11 ноября 1868, къ Костомарову.

⁴⁾ Стасюлевичъ и его совр. т. II. Письма отъ 2 мая 1869.

Толстой—только кievщину, и въ этомъ отношеніи сближеніе славянофилами чистое недоразумѣніе—вѣдь славянофильство, общественно-историческое явленіе, было именно московское, кievское. Толстой же ненавидитъ Москву. «Моя ненависть къ московскому періоду—есть идіосинкразія, и я не подвигиваю себя, чтобы говорить о немъ то, что я говорю. Это не тенденція, это самъ». «Мой добрый пріятель и глубокоуважаемый другъ, Аксѣевъ, должно быть, не подозреваетъ, что Русь, которую онъ хотѣлъ воскресить, не имѣетъ ничего общаго съ настоящею Русью. Буксая одежда, въ которой идеголяли его братья, Константинъ Аксѣевъ и Хомяковъ, такъ-же мало изображаетъ настоящую русскую Русь, какъ и ихъ допетровскія теоріи»¹⁾. Толстой называетъ русскихъ еврспейцами. «Откуда взяли, что мы *антиподы* Европы? Туча прошла надъ нами, *облако монгольское*, но это была туча и чортъ долженъ поскорѣе убрать ее. Русскіе—европейцы, не монголы»²⁾. Въ отношеніи же къ Императорскому періоду Толстого съ славянофилами даже мало отыскивалось точекъ соприкосновенія. «Петръ I, несмотря на его палку, былъ болѣе русскимъ они, потому что онъ былъ ближе къ дотатарскому періоду. Отрекаюсь торжественно отъ моей пѣсни, которая въ свое время имѣла большой успѣхъ:

«Государь ты нашъ, батюшка,
«Государь Петръ Алексѣевичъ,
«Что ты изволишь въ котлѣ варить?»

Гнусная палка Петра Алексѣевича была найдена не имъ. Онъ получилъ ее въ наслѣдство, но употреблялъ ее, чтобы воплотить Россію въ ея *прежнюю родную* колею»³⁾. Только въ кievскихъ и новгородскихъ былинахъ можно узнать основныя черты славянскаго племени «западнаго, но не азіатскаго» и во многихъ своихъ стихахъ, посвященныхъ Кіевской Руси, Толстой старается «особенно выразить нашу связь съ остальной Европой въ это время». Толстой по этому поводу «производилъ розыски о норманскомъ періодѣ русской исторіи», усердно изучая Сакса Грамматика и «Исторію

¹⁾ Ibid., 12 ноября 1869 г.

²⁾ 7 февраля 1869 г.

³⁾ «Стасюля и его совр. т. II. 12 ноября 1869. (Къ Стасюлевицу).

Дальмана. Толстой былъ ярлымъ норманистомъ, это такой же
у него, какъ и чистое искусство, можетъ быть потому,
антискандинавскими теоріями связано было что-то самобыт-
ное, а эта самобытность была въ глазахъ Толстого весьма
желательна. Если въ Кіевѣ были какія либо самостоятельныя
(напр. свободы), т. е. не привитыя норманнами, то эти начала
европейскія, потому что «нѣтъ никакихъ русскихъ началъ, какъ
русскихъ началъ искусства, какъ нѣтъ русской таблицы умно-
жения, хотя *нѣтъ*, въ строгомъ смыслѣ, и европейскихъ началъ, а
начала абсолютныя, общія, вѣчныя». Испытывая несомнѣнное
вѣрѣ Костомарова (значеніе татарщины, Грознаго), Толстой не
зналъ лишь одного убѣжденія Костомарова — «антискандина-
визма»¹⁾ и въ этомъ отношеніи онъ продолжалъ «твердо держаться
исключай рычагъ Погодина», полемизируя впрочемъ противъ
вѣнченія норманскаго вліянія. Славянство «элементъ чисто
славянской, а не восточный, не азіатскій. Оно такъ и сквозитъ въ
всѣхъ исторіяхъ послѣ паденія Рима. Давайте мнѣ Велизара (Ve-
lizar), давайте мнѣ Рѣчиміра (Resimir), давайте мнѣ множество
и другихъ, которыхъ я теперь забылъ, но которые такъ и быють въ
исторіяхъ Готтовъ, Вандаловъ и Саксонцевъ. Мы и нѣмцы,
отдѣлившись отъ древняго арійскаго ствола, и нѣтъ сомнѣнія,
интересы и мифологія у насъ были общія. Кстати, Вальтеръ-
Скоттъ конечно, не зналъ славянской мифологіи, но помните ли
вы въ *Ливоніи* упоминается о саксонскомъ богѣ Zornebok?
онъ взялъ это. Держу пари, изъ саксонскихъ хроникъ.
Врядъ ли можно сомнѣваться, что съ Генгистомъ или съ
его племенемъ пришли въ Британію и славяне и привели своего *Черно-
была* на этотъ антагонизмъ славянства къ европеизму»²⁾.
Нѣкоторые другія теоріи одинаково не удовлетворяютъ Толстого. «Здѣсь
какая-то с...я, пишетъ Толстой къ Стасюлевичу, профессоръ
исторіи, доказывающій пространно, что норманновъ никогда не
было у Русей, а что имена: Карлъ, Свинельдъ, Фрелафъ, Руальдъ
и т. д. суть имена *турскія*. Вотъ наплась охота давать себѣ по-

¹⁾ «А всетаки варяги были скандинавы, а не литовцы» замѣчаетъ онъ въ
письмѣ къ Стасюлевичу по адресу Костомарова.

²⁾ Стасюл. и его совр. т. II. 26 дек. 1869 г. (къ Стасюл.).

щечины, sans y être obligé!» ¹⁾. Толстой очень сожалѣетъ, что Костомаровъ изъ за боязни скандинавизма работаетъ «какъ бы въ пособіе» этому профессору Юркевичу, который «публиковалъ въ Одессѣ толстую книгу, въ которой доказывается, что не было въ Руси варяговъ, а были все турки или, какъ онъ выражается, *тюрки*. И Аскольдъ, и Свенельдъ, и Карлъ, и tutti quanti, подписавшіе Олговъ договоръ, всѣ были *тюрки* и самъ Олегъ былъ *тюрко*, и мать, и отецъ, и всѣ тетки, все это были *тюрки* и *тюркени*. Не знаю, не былъ ли ему сотрудникомъ Вашъ пріятель, Стасовъ, который съ такою начитанностью и безцеремонностью, требующей винограднаго листа, не постыдился утверждать въ Вашемъ журналѣ, что всѣ наши преданія происходятъ отъ татаръ и туранцевъ или *тюраниевъ*. Къ этимъ двумъ я бы еще прикомандировалъ Духинскаго, сообщившаго Европѣ, что русскіе суть татары, потому что у нихъ не растутъ волосы подъ мышками. Иловайскій открылъ, что мы Готы—это лучше, но я пока этому также не вѣрю» ²⁾.

Но, при всей любви къ Кіевскому періоду, изображеніе щечины у Толстого, въ сущности,—не историческія картины. Это былинныя, нарядныя описанія постоянного праздника.

Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодь и старь,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ.

Персонажи толстовскихъ былинъ характеризуются подвигами былиннаго склада ³⁾.

Я городъ Мессину въ раззоръ раззорилъ,
Разграбилъ поморье Царьграда,
Ладьи жемчугомъ по края нагрузилъ,
А тканей и мѣрить не надо...
Ошиблись вдругъ ладьи съ ладьями
И пошла межъ ними сѣча...

¹⁾ Ibid. 10 марта 1869 г. (Къ Стасюл.).

²⁾ Ibid. 29 января (10 февр.) 1873 г. (Къ Стасюл.).

³⁾ Это встрѣчается и въ болѣе реальномъ изображеніи московскаго періода. «Спасть былъ ударъ Никиты Романовича. Раздазая пощечина, словно выстрѣлъ пистолетный; загудѣлъ сыр-боръ, посыпались лютя; бросились въѣри со всѣхъ ногъ чашу; вылетѣли изъ дуель пучеглазыя совы; а мужики, далеко отгоя драніе змеи, посмотрѣли другъ на друга и сказали дивись:—Слышь, какъ треснуло, ужъ не стары ли дубъ надломился надъ Поганою-Дужей». «Князь Серебряный». Стр. 261.

дѣпой Гаконъ разошелся «не внемлетъ словамъ»

Ударъ за ударомъ онъ садить».

Иже Владиміръ послѣ твердаго намѣренія креститься и сми-
говарить:

я готовъ,

Но только смирюсь безъ урону.

Какъ сколько богатыри у Толстого имѣютъ свою индивидуальную
настолько же другіе герои его стихотвореній одноцвѣтны,
другъ на друга. Мы видимъ въ этихъ Владимірахъ, Кану-
Законахъ, Гаральдахъ, Боривояхъ обычныхъ героев роман-
съ которыми авторъ обращается, какъ романтикъ, пускаясь
своихъ излюбленныхъ сюжетовъ, напр. дѣлая изъ факта
из князя Ростислава въ Днѣпрѣ фантастическое стихотвореніе.
дѣвской свободѣ» мы не имѣемъ никакого реального понятія,
дѣдъ» играетъ ту же роль, что и въ оперныхъ сценахъ пи-
если же вспомнить, что въ стихотвореніяхъ этого толстовскаго
романную роль играетъ лирика и брызжущія разноцвѣтнымъ
краски въ описаніяхъ природы, то мы должны будемъ
историческія стихотворенія Толстого, какъ сказки, гдѣ
лица лишь символы. Въ этомъ отношеніи стихи Тол-
собой напрашиваются на сравненіе съ иллюстраціями
Билибина. Тѣ же краски, тѣ же праздни-
наряды, та же условность рисунка. Какъ на картины Би-
можно смотрѣть только опредѣленными глазами, и тогда вы
статковаться и отдыхать, такъ и стихи Толстого, вслѣдствіе
музыкальности, будутъ читаться съ большимъ удовольствіемъ,
на то, что историческій элементъ въ нихъ чисто деко-
нцій.

Въ большинствѣ историческихъ произведеній Толстого про-
дѣлаетъ опредѣленная мысль, своего рода *философія исторіи*.
на свѣтъ не пропадаетъ и каждое слово, и каждое дѣло,
мысль вырастаетъ какъ дерево, и многое доброе и злое,
какъ загадочное явленіе, существуетъ понынѣ въ русской
таить свои корни въ глубокихъ пѣдрахъ «минувшаго»
(Серебряный).

«Доктрина первороднаго грѣха, пишетъ Толстой Маркенинъ, вовсе не такъ чудовищна. *Nihil est sine ratione cur potius sit, quam non sit.* Ничто не существуетъ безъ достаточнаго основанія существовать. Ну, а что страданіе существуетъ, я въ этомъ вамъ честное слово. Если бы допустили, что мы, не только мы, но и что существуетъ, страдаетъ незаслуженно, то это было бы тѣмъ атензмъ, это было бы надругательствомъ надъ логикой, мы должны допустить и сами атеисты. Но такъ какъ не только благородные отцы, но и ребенокъ, который только что родился и не успѣлъ сдѣлать зла, страдаетъ, то нужно допустить достаточное основаніе для этого страданія, *rationem sufficientem essendi; ne nichil ex eo in настоящей жизни, мы принуждены искать его в жизни предыдущей*».

Изображая различныя стадіи русской исторіи, оплакивая несчастія русской земли, Толстой въ балладѣ «Чужое горе» старается опредѣлить болѣзни, приведшія Русь къ одичанію и къ отчужденію отъ Запада.

Въ лѣсную чащу Богатырь при лунѣ

Вѣзжаетъ въ блестящемъ уборѣ...

И свиснулъ безпечно бочась на конѣ:

«Какое мнѣ дѣется горе!..»

Вдругъ съ дуба къ нему кто то прыгъ на коня...

И щупаетъ онъ у себя за спиной

И шарить съ досадой во взорѣ,

Но внемлетъ отвѣтъ: «Я тебѣ не чужой,

Ты, чай, объ *усобицѣ* слышалъ княжой,

Везешь Ярослава ты горе».

Усобицы — первое зло кievскаго, норманскаго періода русской исторіи. Второе — «татарское горе». Толстой вмѣстѣ съ Костомаровымъ придавалъ татарскому игу *исключительное* значеніе. Татарщина, хотя «*преходящій morbus ignobilis* нашей исторіи», но вѣдлившій на долго судьбы Россіи. Монгольскій періодъ Толстой постоянно отождествляетъ съ московскимъ, одинъ изъ князей котораго вновь соберетъ русскую землю, «но самъ же надъ ней будетъ

¹⁾ Впервые у Livronnelle'я, Op. Cit. стр. 474.

и Толстой даже утверждает, что «московскій періодъ татарилъ». Это уже — «Ивана Васильча горе». Такимъ образомъ, усобицами, татарщиной и Москвой, причемъ послѣднія понятія весьма путаются въ сознаниі Толстого, и исчерпывается все зло минувшаго; эти три горя заставили насъ, «нагнать татарщины всласть», «стать къ варягамъ спиной, лицомъ пойдя къ обдорамъ». Насъ смущаетъ слишкомъ большой скачокъ усобицы до татарщины. Въ стихахъ Толстого, какъ это странно для обитателя Краснаго Рога, *степь* не фигурируетъ, нѣтъ смысла злого фактора русской исторіи и нѣтъ ни слова о вѣковыхъ послѣдствіяхъ для кіевщины.

Московскій періодъ, несмотря на ненависть къ нему Толстого, въ немъ тщательнѣе и полнѣе, чѣмъ Кіевскій, а потому изображеніе его, въ общемъ, реальнѣе¹⁾. Изображенію главнаго предшественника монголо-татарскаго періода, Грозному, отведено у Толстого ведущее мѣсто. Хотя Толстой въ романѣ и трилогіи, въ художественной обрисовки эпохи, далеко шагнувъ отъ истинъ и реторики Загоскина и т. п. романистовъ, но въ изображеніи Грознаго, народа, бояръ и характеристикахъ историческихъ персонажей, вообще, Толстой не избѣжалъ ходульности и лжи. Царь Иванъ у Толстого недалеко ушелъ отъ Карамзина, какъ Толстой постоянно пользовался «Исторіей Государства Россійскаго», часто только переиначивая выраженія. «Іоаннъ не злодѣй или сумасшедшій, какъ какой-нибудь Неронъ, ни Голдой, — но у него есть цѣль, онъ даже хочетъ добра, онъ разумѣется по своему, т. е. первымъ благомъ Россіи считая безграничное увеличеніе произвола для себя и для своихъ вѣнниковъ». «Единственная система Іоанна было ломаніе и уничтоженіе всего, что съ поводомъ, или безъ повода, подпадало подъ власть»²⁾. Какъ видно изъ этихъ словъ, Толстой представлялъ Грознаго только тираномъ безъ всякой государственной программы. Конечно, взгляды Соловьева и Кавелина прошли для исто-

¹⁾ Кромѣ Кіевщины, Толстой любилъ Новгородъ съ его вѣчемъ, но въ одномъ мѣстѣ жалуется, что новгородцы эпохи паденія «были порядочныя свиньи, которыхъ лучшаго не заслуживали какъ упасть къ московскую пасть, какъ Римъ къ Цезаря». (Письма. 21 дек. 1870).

²⁾ Проектъ къ постановкѣ тр. «Смерть Іоанна Грознаго».

рическаго міросозерцанія Толстого совершенно незамѣтно. Вліяніе же Костомарова, смотрѣвшаго на Грознаго болѣе чѣмъ отрицательно, какъ на лучшую иллюстрацію вліянія татарщины, тоже не могло, конечно, помочь Толстому въ этомъ отношеніи. Такъ же было старо (и для своего времени) представленіе Толстого о боярѣ Грознаго съ боярами. «Іоаннъ казнилъ ихъ отъ страха и отъ мщенія отъ страха измѣны, которой не существовало»¹⁾, такимъ образомъ и опричина у Толстого рисуется исключительно только въ видѣ «корпуса жандармовъ» и не имѣетъ другого, болѣе глубокаго, основанія. Что же касается до изображенія народныхъ массъ, то Толстой никогда не могъ похвалиться умѣньемъ въ этомъ отношеніи. Это не пѣвецъ народной жизни, народныхъ радостей или гнѣва. Народныя массы во всѣхъ произведеніяхъ Толстого похожи на статистовъ, безличны и безцвѣтны. Авторъ не сумѣлъ подмѣтить въ народныхъ волненіяхъ отголоски глубокихъ соціальныхъ и экономическихъ кризисовъ, особенно имѣвшихъ мѣсто въ эпоху Грознаго: оттого въ произведеніяхъ Толстого, особенно въ романахъ, выступаетъ только одна сторона народной жизни — психологическая и то только съ одной стороны — угнетаемыхъ. Но психологія угнетаемыхъ Грознымъ у Толстого нѣсколько иная, чѣмъ у Карамзина. У историка долготерпѣнію народному нѣтъ конца — для него это терпѣніе столько же похвально, сколько удивительно. У Толстого весь романъ есть общественный протестъ противъ абсолютизма и негодованія на русское долготерпѣніе.

Индивидуальныя фигуры не всегда удаются Толстому. Если откинуть безподобнаго Феодора и такія яркія, хотя и односторонне очерченныя, фигуры, какъ Грозный и Клешивинъ, мы увидимъ, что жизненность историческихъ персонажей затушевывается мѣстами выдумкой и риторикой. Уже указывалось критиками (Венгеровымъ), что Годуновъ преобразился у Толстого въ идеальнаго царя, въ словахъ котораго нѣтъ никакого пятна. Устами Годунова излагается пѣлая политическая и государственная программа, оттого такъ скучны его монологи и разговоры (напр. съ Ириной). Еще болѣе ходульно главное дѣйствующее лицо въ неоконченной драмѣ «Па-

¹⁾ Провѣтъ къ пост. траг. «Смерть Іоанна Грознаго».

... которое для Новгорода XIII вѣка является далеко не чуждымъ.

Вотъ наша воля. Правъ своихъ держаться,
Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
Не прихоти чужія исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что государь нашъ, Новгородъ, велить —
Вотъ воля въ чемъ. А чтобы всякій дѣлать
Воленъ былъ то, что въ голову взбредеть —
Нѣтъ, то была-бъ не воля, неуряде
То было бы.

Въ силу внѣшней, декоративной красоты, Толстому плохо удавалось хватить въ человѣческой натурѣ черты, придающія изображеннымъ фигурѣ жизненность и правдивость; мѣшаетъ здѣсь и предвѣстная точка зрѣнія; говоря про Погодинскую повѣсть о Царѣ Борисѣ, въ которой Погодинъ старается снять съ Бориса обвиненіе въ убійствѣ, Толстой признавался: «это мнѣ не годилось; онъ долженъ быть виновнымъ». Въ герояхъ Толстого нѣтъ жизненной гибкости, въ этомъ отношеніи образъ царя Феодора Иоанновича — геніальное исключеніе.

Что же касается до вѣрности историческаго изображенія, то Толстой не отличался выдержанностью въ этомъ отношеніи. Имъ часто допускались анахронизмы. Такъ, въ балладѣ «Три побояща» эффектнаго сопоставленія Толстой приурочилъ смерть Изяслава моменту гибели при Йоркѣ и при Гастингсѣ двухъ Гаральдовъ, норвежскаго и саксонскаго, бывшихъ въ свойствѣ съ русскимъ княземъ домомъ, межъ тѣмъ смерть Изяслава произошла на много позже, именно въ 1073 году. Въ «Князѣ Серебряномъ» и в «Басмановыхъ», случившаяся на дѣлѣ въ 1565 году помѣщена, «для сжатости разсказа», въ 1565 году. Также вставленъ апокрифическій эпизодъ — освобожденіе царевича изъ плѣна. Серебрянымъ на Поганой Лужѣ изъ рукъ Малюты Скуратова. Все это сознательныя ошибки. Допуская преобладаніе поэтической замысли надъ исторической правдой, Толстой оправдывается тѣмъ, что цѣль его «передать только колоритъ той эпохи».

III.

Поэтъ, несомнѣнно, не первостепенный, Толстой былъ въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ 70-хъ годовъ очень замѣнымъ человѣкомъ. Даже то раздраженіе, съ которымъ нерѣдко имѣя встрѣчалось въ противоположныхъ лагеряхъ русской интеллигентской жизни, свидѣлствуетъ о большой извѣстности; но эта извѣстность т. ск. не сама по себѣ—ее дѣлали не поэтическія таланты Толстого, а его личность. Частый и благородный человѣкъ, онъ умѣлъ быть другомъ и имѣлъ друзей. Совершенно свободный отъ всякой службы, Толстой много и усидчиво работалъ на литературномъ поприщѣ, недаромъ Тургеневъ какъ-то замѣтилъ, что трудолюбіе этого поэта достойно лучшей участи. Но Толстой работалъ не въ удивленіи, не втихомолку: всѣмъ было прекрасно извѣстно, чѣмъ онъ занятъ, что пишетъ, гдѣ будетъ первое чтеніе и т. д. Въ его письмахъ положительно преобладаетъ личный интересъ: письма на злободневные вопросы встрѣчаются сравнительно рѣдко; Толстой сообщаетъ свои планы, говоритъ о своихъ изданіяхъ русскихъ и заграничныхъ, о постановкахъ своихъ трагедій, объ успѣхѣ своихъ произведеній и дома и за границей. Но его популярность была о двухъ концахъ. Къ Толстому, именно къ нему, люди различныхъ направленій были далеко не равнодушны. Каждый хотѣлъ его видѣть своимъ, и та страстность, съ которой боролись за него литературныя направленія, показываетъ, что эта возможность была весьма реальною. Обычно принято говорить про Толстого:

Двухъ становъ не боецъ, а только гость случайный.

Но эта характеристика вѣрна только съ формальной стороны—въ сущности Толстой былъ натура цѣльная. Въ областяхъ, въ которыхъ онъ себя чувствовалъ хозяиномъ, напр. въ искусствѣ, онъ былъ твердымъ и убѣжденнымъ дѣятелемъ, «пѣвцомъ, державшимъ стягъ во имя красоты»; этотъ «стягъ» Толстой никогда не покидалъ и совершенно напрасно упрекъ (Лирондель), что въ своихъ тенденціозныхъ стихотвореніяхъ онъ измѣнялъ своимъ эстетическимъ принципамъ: Его «Потокъ Богатырь», «Баллада съ тенденціей» и др.,—только полемика, облеченная въ художественныя формы, какъ тѣ остроумныя стихотворенія—бездѣлушки, которыми пестрятъ его письма и на которыя онъ былъ такой мастеръ.

...а бѣда Толстого, какъ поэта, заключалась въ той эпохѣ, въ
 онъ жилъ. Крымская война, освобожденіе крестьянъ, су-
 и др. реформы, общественное пробужденіе, а съ нимъ на-
 ескія теченія со своими эксцессами, а на Западѣ — социализмъ,
 Наполеона III, коммуна и т. д. — все это историческіе моменты,
 ыхъ рушились міросозерцанія, слагавшіяся вѣками. Толстой
 путешествовалъ за границей, подолгу живалъ и дома, въ
 имѣніяхъ, вращался въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ
 ского общества, но это было бурное время, а онъ, мечта-
 ный русскій баринъ, любилъ покой и комфортъ и всю жизнь
 къ мирной созерцательной жизни въ искусствѣ, одѣвая
 ахъ рыцарей-викинговъ въ древне-русскіе парчевые кафтаны.
 Какъ это ни странно, реформа 19 февраля для творчества Тол-
 прошла незамѣтно и личное участіе Толстого ни въ подго-
 твѣ въ проведеніи этой реформы серьезно не проявилось.
 врагомъ деспотизма, «съ какой бы стороны онъ ни про-
 ». Толстой, конечно, былъ искреннимъ сторонникомъ крестьян-
 реформы, но она его застала, словно врасплохъ. Какъ чело-
 вѣкъ, Толстой подмѣтилъ общую растерянность, когда «не-
 ворьяне, привыкшіе съ раскрытыми дверями и по французски
 объ освобожденіи, но правительство уже такъ секретни-
 что народъ ожидаетъ освобожденія на данныхъ, которыя
 съ придумалъ. Имѣя самыя смутныя понятія о собственности
 желая имѣть ее, народъ рѣшилъ, что освобожденіе будетъ
 векою. И это убѣжденіе выросло сильно и, ежели будетъ рѣзня
 нымъ кроткимъ народомъ, то только вслѣдствіе этого незнанія
 отношеній къ землѣ и помѣщику; а правительство секрет-
 изъ всѣхъ силъ и воображаетъ, что это внутренняя поли-
 аставить помѣщиковъ въ положеніе людей, заслоняющихъ,
 изирующихъ отъ народа милости свыше. И кончится тѣмъ,
 съ перерѣжутъ»¹⁾. Въ приведенныхъ словахъ слышится
 тоска общественаго дѣятеля, а скорѣе помѣщика, у котораго
 ахъ передъ катастрофой, такъ раздѣлявшійся при дворѣ, заста-
 ть досадовать на медлительность правительства. «Когда я за-
 вѣломъ въ подробности и увидѣлъ его въ приложеніи, мнѣ

совѣстно вспомнить, что за гиль я говорилъ и слушалъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ отъ всѣхъ умныхъ людей объ эмансипаціи. Какъ-нибудь расскажу всѣмъ все и покажу журналъ моихъ переговоровъ со сходкой¹⁾». Къ сожалѣнію, этотъ журналъ неизвѣстенъ, и извѣстно неумѣніе графа разговаривать съ крестьянами. Русский баринъ, онъ не зналъ крѣпостныхъ русскихъ людей; онъ плохо разбирался въ крестьянскихъ вопросахъ, хотя они трактовались во всѣхъ журналахъ и, горячо привѣтствуя реформу, шелъ за нею послушно, торопя другихъ, лишь бы не оставаться на мѣстѣ. Такъ онъ дожилъ до самаго манифеста, который необыкновенно торжественно и читалъ мужикамъ. Объ этомъ Толстой рассказываетъ безъ юмора. «Они (мужики) ничего не поняли, но они имѣли то, что вѣрять моимъ разъясненіямъ и, вообще, они вели себя очень хорошо: никакого пьянства, ни отказа отъ работы, но каково было мое удивленіе, когда я узналъ, что въ одной изъ этихъ трехъ деревень они убѣждали своего старосту и десятниковъ и готовы были убѣждать и моихъ лѣсныхъ сторожей, что мы съ батюшкой промахнулись фальшивый манифестъ. Къ счастью, новыя разъясненія съ бумагами въ рукахъ и настойчивыя убѣжденія все успокоили. Это маленькая иллюстрація того, что можетъ случиться, если помѣщикъ не отрицаетъ присутствія духа. Положенія, которыя, такъ сказать, служатъ дополненіемъ къ манифесту, такъ объемисты и такъ сложны, что чортъ ногу сломитъ²⁾».

Толстой не оцѣнилъ великихъ социальныхъ потрясеній и углубился въ нихъ, несмотря на то, что многіе, въ томъ числѣ Тургеневъ, старались разъяснить ему суть этихъ явленій; они пугали Толстого своею «эгалитарностью», этой «глупой выдумкой 93 года», которая никогда не существовала ни въ какой республикѣ, и которая, по его мнѣнію, грозила «принципу индивидуальности — личному ответственному принципу, въ лонѣ котораго можетъ развиваться цивилизація вообще и искусство въ особенности». Страхъ передъ всеобщей нивелировкой, передъ безшабашнымъ нашествіемъ нигилизма былъ такъ силенъ у Толстого, что онъ, не боецъ по натурѣ, принялъ

¹⁾ Къ Е. П. Коваленскому 1856.

²⁾ Lirondelle, Стр. 187.

исческія теченія, какъ личный вызовъ и до конца своихъ
съ нимъ пылкую, упорную, но далеко не глубокую борьбу.
Въ письмѣ онъ Стасюлевичу — «глубокая язва. Отрицаніе
семейства, государства, собственности, искусства это не
чистота — это чума, по крайней мѣрѣ, по моему убѣжденію.
Онъ не забить и не робокъ, онъ торжествуетъ въ значительной
модого поколѣнія, а невѣрныя, часто несправедливыя, иногда
жестокія мѣры, которыя принимала противъ него адми-
нистрація, несколько не уменьшаетъ вреда и уродливости его ученія.
Его деятельность къ нигилизму для меня непонятна и я ее не
понимаю. Это какое то идолище, сидящее въ терему у Владиміра
и ему служить всѣ безъ исключенія, даже и не хотящія, а
онъ разѣвываетъ ротъ и пожираетъ все, что ему несутъ, пока
не прихлопнутъ его колпакомъ» ¹⁾. Въ своей полемикѣ, ко-
торая разилась, главнымъ образомъ, въ ѣдкихъ и остроумныхъ
словахъ Толстой, въ основныхъ чертахъ, былъ правъ и въ этомъ
онъ мужественно «гребъ противъ теченія», но нѣкоторыя
изъ этихъ стихотвореній-сатиръ говорятъ объ утерянномъ
духѣ поэта. Въ «Потоки-Богатырь», красивой и очень искус-
ственной, которую отказалась напечатать даже «Бесѣда»,
особенно обнаружилъ какую-то примитивность мысли.
Его сужденія прямо-таки поражаютъ своей нелѣпостью и нело-
говитостью — таковы, напр., выводъ публики о Потокѣ.

Притѣснять хочетъ меньшую братію,
Или потому что сказалъ по поводу оправданія:
Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ (?),
Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру. . .
Хоть убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чемъ. и т. д.
Самый языкъ этого неудачнѣйшаго произведенія Толстого въ
поэтической части очень вульгаренъ и до отвращенія прозаиченъ.
Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ,
Взялъ подлогомъ чужое имѣнье
Да двухъ братьевъ и трехъ дочерей задушилъ и т. д.

Толстой чувствовалъ, что въ этомъ стихотвореніи онъ былъ былиннаго тона выпаль давно» и признавался Стасюлевичу, не приписывать, этой былинѣ «никакой важности», хотя зывалъ также, что въ ней высказано его сгедо. Ополчая защиту жизненныхъ условій искусства, Толстой обнаружилъ ствительно, опредѣленные убѣжденія, тогда какъ въ другихъ об жизни конкретно схватить убѣжденія Толстого—дѣло большой ности. Онъ былъ характернѣйшимъ либераломъ того времени предѣльно любилъ личную свободу, въ физическомъ смыслѣ, нельзя стѣснялся службы, хотя бы самой легкой, былъ невиннымъ апостоломъ свободы слова и не выносилъ деспотизма. моя вина, если изъ написаннаго мною ради любви къ ис само собою вытекаетъ, что деспотизмъ никуда не годится. хуже для деспотизма. Оно вездѣ скажется, во всякомъ ственномъ трудѣ, оно *выскажется* даже въ Бетховенской симфоніи.

Защита принциповъ индивидуальной свободы, проводимая Тымъ откровенно и смѣло, бросала его въ другой лагерь общественной, противоположный «Русскому Вѣстнику»²⁾.

Апологія свободы слова роднила его съ славянофилами. торыми у него, дѣйствительно, было много общаго, но не забывать, что это сходство было внѣшнее, болѣе по мотивамъ, по содержанію, и Хомяковъ ошибался во второй половинѣ с утвержденія, говоря, что у Толстого «не только русская форма но и русскій ходъ мыслей». Ходъ мыслей у Толстого былъ европейскій, какъ это выяснено выше. Я уже приводилъ критику Толстого самобытности русскихъ началъ искусства. «Отъ славяно-

1) «А написалъ потому, что написалось; когда же увидѣлъ, что паше смѣются, а другіе сердятся, то и напечатать. Вообще это не мой genre и выступать изъ семейскую дорогу я не намѣренъ. Но отъ Потока не отказываюсь и несколько сожалею, что его напечатать, равно и Пантелея». «Стасюл. и его совр.» т. II. 1 ок. 1871 г.

2) Въ «Снѣ Попова», лучшемъ изъ своихъ сатирическихъ произведеній, Толстой далъ превосходную картину дѣятельности третьяго отдѣленія. «Снѣ Попова» громадный и вполнѣ понятный успѣхъ. Въ Константинополь онъ провѣзъ сатиру писать Толстой, и былъ поводомъ къ перепискѣ родственниковъ Игнатъ въ Петербургѣ. Не знаю, собственно, какое придали ему тамъ значеніе, борьбы и славяненнаго элемента съ турецкимъ или преобладанію греческой державы балгарской. Въ штанахъ, кажется, увидѣли намекъ на Босфорскій проливъ, что это особенно напугало». «Стасюл. и его совр.» т. II. 18 ноябр. 1873 г. (къ Стасюлеву).

Хомякова меня тошнитъ, когда онъ ставитъ васъ выше
нашего православія» ¹⁾.

мартѣ 1869 г. въ Одессѣ, въ Англійскомъ клубѣ Толстой
тостъ «за всѣхъ подданныхъ Государя Императора, къ
національности они не принадлежали». Въ реакціонномъ
коризненно зачали головами, и Толстому пришлось соб-
свои стрѣлы и, какъ вѣкогда противъ нигилистовъ, обру-
воинствующій націонализмъ Каткова и ему подобныхъ.
шешетъ онъ Маркевичу, говорите, что нельзя допустить
національности въ могущественнѣйшемъ государствѣ. Милые
смотрите въ лексиконъ, что такое національность. Вы смѣ-
государство съ національностями. Нельзя допустить разныя
ства; но не отъ васъ зависитъ допустить или не допустить
альность. Армяне, подвластные Россіи, будутъ армянами,
татарами, нѣмцы—нѣмцами, поляки—поляками. Несмотря
отвращеніе къ ссылкамъ на самого себя, я не нахожу луч-
мента, какъ слова Лепорелло изъ Донъ Жуана.

говорилъ, что мавры и мориски народъ полезный былъ и
ихъ не слѣдовало гнать и жечь, [работящій,
коль они исправно платятъ подать,
того довольно королю» ²⁾.

время польскаго возстанія Толстой, оставаясь вѣрнымъ своимъ
жизнѣ, порицалъ Муравьева за его рѣзкую политику и, по сло-

западникъ съ ногъ до головы и настоящій славизмъ—западный, а не
ам. 28 дек. 1869.

его шуточное стихотвореніе «Единство», гдѣ, между прочимъ, нѣются
стироки:

Ядро у насъ славяне,
Но есть и вотяки,
Башкирцы и армяне
И даже калмыки.
Недавно я ташикентцы
Живутъ у насъ въ пѣвну;
Признаться-ль? Есть и нѣмцы,
Но это entre nous!
Страшась съ Катковымъ драки,
Я на ухо шепну,
Что есть у насъ поляки,
Но также entre nous! etc.

вамъ кн. В. Мещерскаго, требоваль отъ Россіи не энергіи Муравьева, но признанія у поляковъ элементовъ культуры и цивилизаціи, стоящихъ выше нашей. Отсюда вытекало у него и желаніе, чтобы вѣческое отношеніе было противопоставлено жестокости: ¹⁾. Но проповѣди идей индивидуальной свободы Толстой не идетъ. Въ отношеніи онъ былъ похожъ на старыхъ французскихъ либераловъ предреволюціоннаго періода, пѣвшихъ гимны свободѣ и человѣку въ ужасѣ остановившихся передъ призракомъ народовластія Ж. Ж. Руссо. Проповѣдуя (нѣсколько, правда, идилично) декларацію «права человека», Толстой очень неохотно толковаль о правахъ гражданъ и въ томъ, что раскрылось цѣннаго за европейскими соціальными катастрофами, Толстой плохо разбирался. Онъ, дѣйствительно, представляль изъ себя нѣсколько устарѣлый типъ европейца, консерватора на либеральной подкладкѣ.

Толстой очень случайно выступаль въ роли трибуна и проповѣдника и это особенно бросалось въ глаза въ то время, когда писателя открывалось широкое и, въ своемъ родѣ, единственное поле для общественнаго протеста. Не прощальось это Толстому и въ отношеніи его громадныхъ связей при дворѣ и личной дружбѣ съ Государынѣю. Товарищъ дѣтскихъ игръ императора, сохранившій съ нею до конца своихъ дней дружескія отношенія, Толстой былъ своей вѣкъ въ императорской семьѣ. Государыня Марія Александровна была преданная почитательница его таланта; нерѣдко, въ ея салонѣ впервые прочитывались Толстымъ или постояннымъ чтецомъ ея стихотвореній Б. Маркевичемъ, еще не появившіяся нигдѣ стихотворенія и пьесы. Толстой былъ въ перепискѣ съ государынѣю, и она его дружественно звала Алешей.

Къ службѣ Толстой изавна питаль отвращеніе, самыя легкія и временныя служебныя обязанности его тяготили. Будучи назначенъ въ комитетъ о раскольникахъ, онъ жалуется въ письмахъ на затрудненіе примирить собственныя принципы религіозной терпимости съ направленіемъ правительственной политики и скорѣе бросаетъ комитетъ. На неоднократныя предложенія Государя занять ту или другую высшую должность, Толстой отвѣчалъ отказомъ. «Служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей природѣ, пишетъ онъ Государю»

¹⁾ Lirondelle, стр. 225.

дру II. — я сознаю, что всякій, по мѣрѣ силъ, долженъ быть мѣ. Способъ указанный мнѣ Провидѣніемъ, — мое литературное и всякій другой путь для меня невозможенъ. Я всегда хохимъ администраторомъ, плохимъ чиновникомъ, но думаю, въ самообольщенія могу сказать, что я хорошій писатель», «ба и искусство несовмѣстимы». Но Толстой сознавалъ, что «ранный талантъ и дружба съ Государемъ обязываютъ, и онъ что имѣетъ способъ служить особѣ Государя и нести эту ность съ честью, это — «быть безстрашнымъ сказателемъ правды, енная должность, которая ко мнѣ подходит и, къ счастью етъ мундира». Знало ли русское общество про это письмо — все равно, но въ широкихъ литературныхъ кругахъ эта дстого, какъ адвоката русскаго прогресса, сама собою опре его положеніемъ. У насъ нѣтъ достаточно данныхъ, что, въ какой степени Толстой использовалъ это своеобразное демонстрацій, но можно предположить, что случаи не были въ пятидесятихъ годахъ Толстой хлопоталъ за молодого а, а послѣ побѣдки Костомарова для чтенія лекцій въ Нов- Псковѣ, Толстой, по просьбѣ знаменитаго ученаго, обра- государю съ письмомъ по поводу разрушенія памятниковъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Письмо дышитъ негодованіемъ на нше невѣжества и некультурности, не щающихъ церковныхъ ковъ XIV и XI вѣка¹⁾. «И всѣ эти варварства происхо- те время на Руси на глазахъ и съ санкціи губерна- вышшаго духовенства. Въ особенности духовенство откро- считаетъ себя въ правѣ разрушить то, что нужно хра- ва сколько оно является стойкимъ защитникомъ рутины сти идей, настолько ревностнымъ противникомъ памятниковъ. ло на себя задачу доканать все, что татары и пожары ни. Развѣ раскольники были просвѣщеніе митрополита а! Я знаю, что Ваше Величество не останется равнодуш- въ уничтоженію древнихъ памятниковъ, которыхъ, сравни- въ другими странами, у насъ такъ мало».

Извѣстенъ одинъ случай, гдѣ Толстой обнаружилъ въ разговорѣ съ Государемъ нѣкоторое гражданское мужество. Однажды, на охотѣ, Государь спросилъ Толстого, почему Толстой ничего не пишетъ, онъ отвѣтилъ, что литература носить трауръ по невинно осужденному Чернышевскому. Этотъ разговоръ съ Государемъ кончился легкой разболтовкой.

Толстой представлялъ изъ себя одного изъ типичныхъ представителей 70-хъ годовъ, просвѣщеннаго, кристально—честнаго, рациональнаго, но наивнаго и добродушнаго въ своемъ леберальномъ направленіи. Въ партійномъ отношеніи онъ былъ «дикимъ», но эта дикость вытекала у него не столько изъ теоретическаго непониманія действительности, сколько изъ органическаго отвращенія къ ней. Будучи органическимъ сторонникомъ просвѣщенныхъ людей, Толстой зналъ, что съ ними дѣлать въ жизни, которая его пугала своей сложностью и разнообразіемъ общественнаго настроенія. Онъ былъ служакой, но онъ былъ воспитанникомъ той государственной школы, запоздалаго просвѣщеннаго абсолютизма, которая, мысленно сознавая правду, боялась съ ней встрѣтиться въ дѣйствительности. Толстой не былъ двуличенъ, но у него въ натурѣ былъ родимой недостатокъ—страхъ передъ призраками дѣйствительности, особенно замѣтный и не прощаемый въ эпоху общественнаго пробужденія.

Н. Кноррингъ.